

70-летний юбилей открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции

Газ Березово поставил последнюю точку в спорах ученых о перспективности Западной Сибири как нефтегазоносной провинции. Даже, пожалуй, восклицательный знак!

Министр нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбаков

21 сентября 1953 г., в 21 час 30 минут в опорной скважине Р-1 Березовской буровой партии произошел внезапный газово-водяной выброс. Бьющая из скважины «струя» достигала 50 м в высоту. Ситуация была аварийной, но именно березовский фонтан стал первым доказательством того, что недра Западной Сибири действительно богаты залежами углеводородов. Этот фонтан положил начало широкому развороту работ по поискам и освоению газовых и нефтяных месторождений Западной Сибири.

Из истории бурения опорной скважины Р-1

По плану опорного бурения в Тюменской области первой должна была буриться скважина на Казымской культбазе. Там ее наметили ученые из совета по опорному бурению. Поселок построен на берегу небольшой таежной речки Казым, правого притока Оби. Летом в июне — июле по реке Казым могут плавать лишь небольшие суда и баржи. Потом речка мелеет, и только в некоторые годы удается провести суда в сентябре в период осенних дождей, поэтому руководство Новосибирского треста и Тюменской экспедиции приняло решение заложить скважину вместо Казымской культбазы в поселке Березово, вопреки протесту многих ученых, мотивируя это невозможностью организовать работы в Казыме.

В 1952 г. в связи с тем, что доставить технику на намеченную «Тюменьнефтегеологией» точку для скважины Р-1 (вместо Казымской опорной) и организовать на ней бурение не удалось, специальной комиссией, по предложению начальника буровой партии А.Г. Быстрицкого, было принято решение о переносе местоположения скважины Р-1 на окраину поселка Березово (рис. 1).

29 сентября 1952 г. было начато бурение опорной скважины Р-1. 23 июля 1953 г. бурение приостановлено на глубине 1 344 м при плановых 2 900 м, так как специалистами было принято решение: скважина

«мертва» — работы прекратить, скважину законсервировать.

По воспоминаниям очевидцев, 21 сентября 1953 г. шел подъем инструмента, осталось поднять последние 200 м бурильных труб, вдруг послышался из глубины скважины гул, неведомая сила выталкивала трубы вверх, земля дрожала, как при взрыве, из скважины вырвался огромный столб воды и газа и устремился в небо. Люди в панике бросились с буровой. Гул перерос в неистовый рев. За несколько минут участники перенесли двойной шок: сначала страх за жизнь, затем радость открытия: есть в Березово газ! (рис. 2, 3).

Сегодня уже можно сказать, что достаточно было А.Г. Быстрицкому точно выполнить указание по выбору местоположения проектной скважины — и открытия бы не произошло — буровая бригада допустила аварию, которая прославила их имена.

К сожалению, не обошлось без жертв. При сейсмокаротаже во время подготовительных работ погибли дизелист Александр Кох и техник геофизической партии Борис Самсонов. Уже во время ликвидации аварии погиб старший по пожарному делу Министерства нефтяной промышленности Евгений Александрович Люттов.

В феврале 1954 г. механик Березовской экспедиции В.И. Петрушкин «закрыл» устье скважины Р-1. Березовский аварийный газовый фонтан был ликвидирован в июне 1954 г. (рис. 4).

В последующие годы были пробурены и Березовская скважина на предполагаемом

ранее месте — безрезультатно, и Казымская опорная скважина в поселке Казым — тоже безрезультатно.

Начиналось все с весьма скептических прогнозов. В 1920–1930 гг. в нефтегазоносность Западной Сибири мало кто верил. Академики Н. Шатский, М. Усов отдавали предпочтение Минусинской котловине. Академикам возражал И.М. Губкин, который в 1932 г. высказал предположение, что в Западно-Сибирской впадине накапливались благоприятные для образования нефти и газа осадки.

В 1934 г. Иван Михайлович Губкин и его ученик Виктор Григорьевич Васильев, а также другие ученые обосновали прогноз наличия нефти вдоль рек Большой Юган и Белая, однако руководство треста «Востокнефть» оценило этот прогноз пессимистически. Прогноз подтвердился через десятилетия.

К оптимистам И.М. Губкину, В.Г. Васильеву и другим присоединился профессор Василий Михайлович Сенюков, который разработал план строительства 21 опорной скважины, три из которых закладывались в Тюменской области. После Великой Отечественной войны геологоразведочные работы в Западной Сибири были возобновлены.

В 1947 г. Совмин издал постановление о широкой программе поисково-разведочных работ. Намечалось бурение 26 опорных скважин, в том числе трех в Западной Сибири. Приказом министра геологии СССР Ильи Малышева в 1948 г. была организована

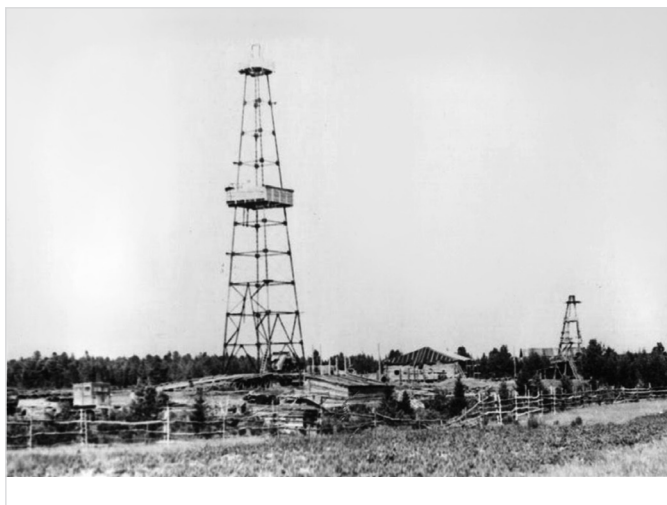

Рис. 1. Буровую построили в короткий для северных условий срок — за 2 месяца

Рис. 2. 21 сентября 1953 года шел подъем инструмента на буровой

Тюменская нефтеразведочная экспедиция. Стали съезжаться в Тюмень рабочие, инженеры и ученые.

Ведущий геолог Н.Н. Ростовцев, оставив профессорскую кафедру в Ленинграде, приехал в Тюмень, чтобы подтвердить правоту прогноза И.М. Губкина.

В 1950 г. под руководством Н.Н. Ростовцева Министерством геологии и охраны недр был разработан генеральный план региональных работ по всей Западно-Сибирской низменности, предусматривающий бурение опорных скважин.

В 1952 г. Юрий Георгиевич Эрвье возглавил Тюменскую нефтеразведочную экспедицию, а позже и трест «Тюменьнефтегазгеология», в 1953 г. Лев Иванович Ровнин, в возрасте 24 лет, назначен главным геологом этого треста (рис. 5).

Вместе с Ю.Г. Эрвье из Молдавии в Тюмень приехали его друзья и коллеги, в том числе А.Г. Быстрицкий (рис. 6).

А.Г. Быстрицкого за самовольный перенос места заложения опорной скважины перевели с выговором на юг, в Покровскую нефтегазоразведочную партию, его заместил Григорий Дмитриевич Сурков.

Именно Г.Д. Сурков 21 сентября 1953 г. извещил телеграммой управляющего трестом «Тюменьнефтегеология» А.Г. Шиленко: «Срочная, Тюмень, Нефтегеология “Выброс при подъеме инструмента. Давление в устье 75 атмосфер. Срочно ждем самолет”». Сурков».

Это было начало великих событий. Затем последовали открытия газовых и нефтяных месторождений. Появились новые герои. На тюменский север устремились десятки тысяч рабочих, инженеров, ученых. Были созданы десятки научных и производственных центров. Нефтегазовая индустрия стала ведущей в экономике страны.

Честь и слава первопроходцам, заложившим основу для этих успехов!

Воспоминания Владимира Львовича Шустера — участника событий, последовавших за газовым фонтаном в Березово

В сентябре 1959 г., после окончания Московского нефтяного института им. И.М. Губкина, я прибыл по распределению в город Тюмень. Это был мой выбор, так как меня распределили в Куйбышевское геологическое управление, но мы — молодые геологи — рвались на Север или на Сахалин. В Министерстве пошли мне навстречу.

Нас, молодых специалистов, каждого персонально, принял главный геолог

Рис. 4. Скважина Р-1 после открытого фонтана

Рис. 5. В центре Л.И. Ровнин

Тюменского территориального геологического управления Лев Иванович Ровнин. Он меня расспросил о моей учебе, дипломной работе, спросил, где я хотел бы поработать. Я ответил ему, что стремлюсь на север, где потруднее. Он сказал, что «с потруднее» проблем не будет, и предложил поработать на газовых месторождениях в Березовской экспедиции. Так я познакомился с моим первым работодателем, с которым через 40 лет это знакомство переросло в теплые товарищеские отношения.

В Березовской экспедиции получил направление в Полнаватскую геологоразведочную партию, а позже на Казымский участок опорного бурения. И это уже была судьба.

В первый год все молодые специалисты работали на «технических» должностях. Меня, в связи с новым назначением, по распоряжению начальника Управления Юрия Георгиевича Эрвье, перевели из коллекторов в младшие геологи. Перед этим Юрий Георгиевич провел в Березово встречу с молодыми специалистами, расспросил о нашей жизни, пожеланиях. Я, среди других молодых инженеров, посетовал, что нас долго держат на «подсобных» работах, а мы хотели бы уже самостоятельной работы. Он согласился и предложил руководителям нашей разведочной партии послать меня геологом

(пока младшим) на Казымскую опорную скважину, где, как потом выяснилось, возобновлялось бурение третьего ствола после двух аварийных.

В конце сентября — начале октября 1960 г. мы плыли по реке Казым из поселка Полноват в поселок Кызым. Мы — это опытный буровой мастер Андрей Федорович Тарасов (с которым в последующем и работали, и дружили, он приезжал с семьей ко мне в гости в Москву); вновь назначенный буровой мастер Александр Иванович Зверев (с ним больше года работали на Казымской опорной); шкипер нашего самоходного катера «Голубка» Саша. Наша самоходка повторила не состоявшийся в 1952 г. поход барж с оборудованием по реке Казым (тогда из-за обмеления русла реки), в 1960 г. не смогла пройти, так как река Казым замерзла.

Несколько дней жили в охотничьей избушке. Там никто постоянно не жил, но были заготовлены дрова, патроны для охотничьих ружей. Через 3–4 дня нас перебросили в поселок Казым на вертолете.

Не буду подробно описывать наш быт: жил в домике из одной комнаты с тремя ребятами из буровой бригады, готовили сами по очереди. Я спал «валетом» с Юрой Черемных. Дом был без удобств, без воды. Баня в поселке — раз в неделю. Поэтому с весны по осень

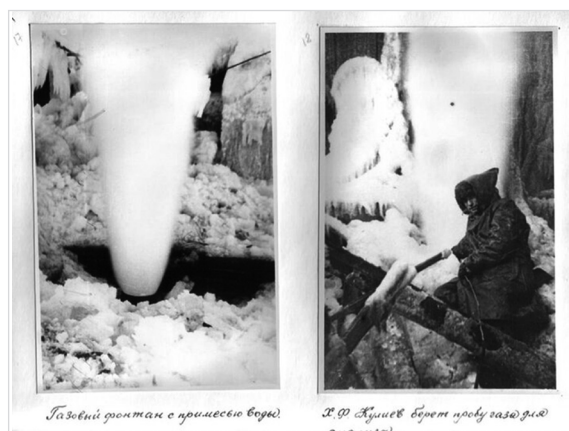

Рис. 3. Газовый фонтан на скважине Р-1

Рис. 6. А.Г. Быстрицкий и Ю.Г. Эрвье

Рис. 7. Газета «Тюменская правда»

Рис. 8. Вот он — первый «морж» на буровой — В.Л. Шустер

я ежедневно закалялся в реке Казым, благо она протекала рядом с домом и с буровой.

Все было рядом, поэтому большую часть времени проводил на буровой или с майором Димой, который был «прикреплен» к нашей буровой бригаде для предотвращения аварий. Но бурение — сложный процесс, поэтому уже после моего назначения на новую

работу и отъезда из Кызыма был пробурен и четвертый аварийный ствол. Однако скважина оказалась непродуктивной: нефти и газа не нашли. Так же, как и разведочная скважина № 3, пробуренная в 1956 г. на березовской площади на ранее запланированном месте для опорной скважины, она оказалась за контуром газоносности, т.е. дала только воду.

За самовольный перенос места заложения опорной скважины А.Г. Быстрицкому был объявлен выговор, и он был снят с занимаемой должности. А если бы и Л.И. Ровнин не рискнул пойти на нарушение правил существующей тогда техники безопасности и не дал команды испытать нужный пласт открытым забоем, если бы перекрыли зацементированную часть скважины и т.д. — то в этой скважине газ бы себя не проявил.

Многое об истории бурения Березовской опорной скважины мне рассказал Х.Ф. Кулиев, в тот период член буровой бригады, а в последующие годы буровой мастер Полноватской ГРП, с которым нам вместе пришлось работать на буровых. Он уточнил: после того, как геологи решили, что скважина «мертвая», члены вахты при подъеме последних буровых труб из скважины перестали «доливать» буровой раствор, тем самым компенсируя возможное повышенное пластовое давление. Это и привело к выбросу из скважины бурильного инструмента (как сваренных макарон) и последующего газового фонтана.

На Похромском газовом месторождении, которое мы открыли в 1960 г., я как коллектор-геолог проработал безвыездно на первых двух скважинах по месяцу на каждой. При испытании скважин 2–3 дня шум от выходящего из скважин газа был такой, что прибежали из соседней деревни Похромы (в 3 км от скважины), чтобы узнать, что случилось.

Рис. 9. На конференции SPE

Рис. 10. Г.И. Шмаль и Л.И. Ровнин

Я в то время уже каждое утро выбегал на 2–3 минуты из балка (жилого вагончика, топившегося печкой), чтобы обтереться снегом (в гигиенических целях). В балке $t^{\circ} +30$, на улице $-30...40^{\circ} C$. На севере у меня не было никакой простуды. Так я попал в объектив корреспондентов газеты «Тюменская правда», приехавших делать репортаж об открытии нового газового месторождения, до сих пор в Березовском районе одного из наиболее крупных по запасам (рис. 7, 8).

В этот период, в начале 60-х XX столетия, были открыты первые нефтяные месторождения: Шаймское в 1960 г. и Усть-Балыкское в 1961 г.

За годы работы я познакомился со многими коллегами, часть из которых стала моими друзьями или товарищами на всю жизнь. Это и мои институтские друзья: В.А. Саркисов, Ю.Г. Такаев, В.М. Эскин, А.М. Бриндзинский, его жена Зоя Афанасьевна, и новые коллеги — В.П. Щербаков, А.Б. Ситников, Б.Я. Брасславский и др.

40 лет спустя после этих событий, в начале 2000-х годов, на научной конференции по шельфу арктических морей, проходившей в Санкт-Петербурге, мой доклад похвалил Л.И. Ровнин. В перерыве я подошел к нему, поблагодарил за оценку моего доклада и напомнил о том, что он мне дал «путевку в жизнь». С тех пор мы стали общаться и встречаться на различных общественных мероприятиях (рис. 9, 10).

Западная Сибирь дала мне очень многое в производственной и в научной работе. До сих пор, 60 лет спустя, научный проект, в котором я участвую, включает геологию и нефтегазоносность Западной Сибири. Россия по-прежнему произрастает Сибирью, как сказал великий М.В. Ломоносов.

В.Л. Шустер,
почетный нефтяник РФ,
доктор геолого-минералогических наук